

Глава 104: Обещание самому себе

Все это время Чэнь Жун не поднимал глаз.

Его руки были сцеплены под широкими рукавами, а сердце бешено колотилось.

Он не знал, что делать.

Был ли это конец, который он должен был получить после двух жизней усилий и борьбы?

Но поскольку он прожил две жизни или даже три, Чэнь Жун знал, что если бы его отец и брат были надежной опорой, он не закончил бы подобным образом в лице АЖунь в своей предыдущей жизни.

В прошлой, или в этой жизни, зашел ли он в тупик, или оказывался загнанным в угол, он никогда не думал о том, чтобы покинуть свой клан. Во-первых, он ничем не отличался от всех остальных в том, что понятие родства глубоко укоренилось в нем. Семейственность в этом мире и в этом времени была едва ли не главной ценностью.

Во-вторых, без защиты клана в эти смутные времена, он был бы ограблен, изнасилован, продан в рабство или принесен в жертву на алтаре демонов в течение нескольких секунд, независимо от того, сколькими богатствами и талантами он обладал.

Во время его бегства из Пинга на юг с семьей Ван были убиты или разорены бесчисленные дворяне. Не единожды ими были видены разоренные караваны и брошенные повозки. Даже императорские супруги оказались похищены торговцами людьми, их судьба была неизвестна истории, что там, сам император оказался в незавидном положении пленника и заложника Ху, что привело к его смещению. Один из принцев, подстрекаемый царедворцами, и все тем же Принцем НаньНьяна, бывшим его воспитателем, помог ему в объявлении себя новым императором, хотя прежний все еще был жив, хоть и находился в плену.

Насколько Женя помнил из истории, тот так там и погиб. И конечно, судьба сопровождавшей его семьи так и осталась тайной. Наложницы, жены, их дети, пусть даже императорской крови, не говоря уже о прислуге, все это было проглочено ху за несколько часов вместе с захваченным обозом. Их судьба осталась тайной, и для дальнейшей истории вроде как оказалась неинтересна. Мясо войны, пусть и благородное...

Подумав немного, Чэнь Жун с горечью улыбнулся.

— Ничего, Чэнь Жун, перестань упираться! - Чэнь Юань усмехнулся, увидев безмолвного Чэнь Жуна. Погладив бороду, он сказал: — Не будь слишком счастливым. Лан'я Ван Ци является ценным мужем даже среди принцесс. Даже если ты станешь его благородным наложником, ты все равно будешь сидеть ниже его жены. Ты слишком молод, чтобы знать, что семья — единственная опора в этом мире.

Когда он добрался до слова "единственная", в его голосе послышался особый акцент. Он даже поднял вверх указательный палец.

Голова Чэнь Жуна оставалась склоненной.

Чэнь Юань засмеялся, думая, что тот смутился. Затем он вежливо сказал:

— А Жун, это было требование принца Нань'яна, заставившее меня отправить тебя к нему. Ты затаил на меня злобу из-за этого?

Здесь он наклонился вперед, внимательно за ним наблюдая.

Чэнь Жун не поднимал головы. Через некоторое время он слабо прошептал сквозь зубы:

—Я не смею.

Чэнь Юань не заметил ничего необычного и продолжал улыбаться. С другой стороны, Дама Ли недоверчиво всмотрелась, оценивая молчаливого и послушного Чэнь Жуна. Интуиция подсказывала ей не верить этому волчонку.

Чэнь Юань поднял голову и посмотрел на солнце. Затем махнул Чэнь Жуну и сказал:

—Ты можешь идти. Тебе необходимо подготовиться.

Услышав его слова, Чэнь Жун медленно поднялся.

Едва он поднялся на ноги, как снаружи донеслись шаги.

Вскоре неуверенный и хриплый голос оттуда позвал:

— Ши-фу, мы вернулись.

Услышав этот голос, Чэнь Юань встал и вышел им навстречу.

— Почему ты так скоро вернулся? Разве вы не виделись с Ван И?

Чэнь Жун остановился, услышав имя Ван И после того, как он поклонился Даме Жуань и Даме Ли, и был готов уйти.

Он был не единственным, и даже Дама Жуан и Дама Ли взволнованно встали. Они бросились со своих мест к лестнице.

Вниз по ступенькам стояли дюжина крепких слуг. Впереди стоял человек лет тридцати, с бледной кожей и тонкими чертами лица. Можно было сказать, что он являлся красноречивым оратором.

Тем не менее, в это время он склонил голову, выглядя при этом довольно нерешительно.

Встревоженный, Чэнь Юань сердито закричал:

— Что случилось? Говори.

Слуга колебался, прежде чем тихо произнести:

— Я опасаюсь.

Сердце Чэнь Юаня рухнуло. Уставившись на слугу, он осторожно спросил:

— Ван И сказал что-то плохое?

Увидев, что слуга покачал головой, он облегченно вздохнул и нетерпеливо спросил:

— Так что же все-таки произошло? Просто скажи мне правду.

— Да.

Слуга церемониально поклонился и начал, запинаясь, говорить:

— Мы следовали Вашим указаниям и принесли подарки в поместье Ван. Мы вошли через главный вход и предъявили свою идентичность с просьбой о встрече с Господином Ван И.

В этот момент он взглянул на Чэнь Юаня, прежде чем спокойно продолжить:

— Как только привратник взял нашу карточку, прибыл экипаж Ван Цилана. Увидев нас, он подошел и поинтересовался нами.

Голос слуги стих до заикания.

— После того, как мы сообщили ему, кто мы и зачем прибыли, Ван Хун пожелал, чтобы мы вернулись с сообщением, которое тот наказал передать Вам.

В это время сердце Чэнь Юаня полностью упало.

Он повернулся, чтобы взглянуть на Чэнь Жуна и внутренне подумал: "Возможно, Ван Хуну никогда не нравился этот парень А Жун? Возможно, ему всегда нравились девушки, а этот мальчишка просто ему навязывался, бегая за ним. Какой бесполезный кусок мусора. Какой смысл в этих соблазнительных взглядах, когда он даже не в состоянии поймать мужчину даже в ситуации долга жизни!"

Слуга замолчал, увидев, что Чэнь Юань оглядывается.

После того, как Чэнь Юань бессердечно глянул на покорно-выглядящего Чэнь Жуна, тот обернулся и выкрикнул:

— И что он сказал? Чего ты там застыл? Почему ты мне не говоришь?

От его ярости слуга отпрянул, несколько раз повторив "да".

Дождавшись, пока прекратится критика Чэнь Юаня, он пробормотал:

— Э-это то, что сказал Ван Хун: "Вы устраиваете брак сына? Или Вы продаете своего приемыша-подопечного за власть, без ведома его близких? Как мы можем допустить, чтобы этот добродетельный юный ученый, ценный своими талантами даже для императора, подвергся такому оскорблению принуждения, когда он живет и умирает за своих друзей"?

Вокруг все затихло.

Чэнь Юань тоже не находил слов.

Не веря своим ушам, он уставился на слугу. Его лицо начало бледнеть.

— Ч-что ты сказал?

Увидев его в таком состоянии, слуга замолчал и упал на колени.

В считанные секунды лицо Чэнь Юаня стало еще белее.

Он все еще уставился на слугу, недоверчиво бормоча:

— Невозможно! Все говорят, что Ван Хун нежен и утончен. Он никогда не обидит других столь грубыми словами...

В этот момент его голос потерял звук.

Чэнь Жун тоже потерял дар речи.

Тем не менее, он был расслаблен и полон ликования, хотя и молчал. Когда он увидел, что претенциозное лицо Чэнь Юаня становится все более и более бледным даже с оттенками синего, он ускорил шаг и быстро исчез со двора.

Как только он покинул ворота, Чэнь Жун не смог удержаться от смеха. Быстро прикрыв рот рукой и, опустив голову, он поспешил домой.

Вскоре Чэнь Жун вошел в свой двор.

Увидев его, Матушка Пинь поспешно подошла к нему. Но вдруг остановилась.

Все, что она увидела, это смеющегося Чэнь Жуна, разглаживающего свои рукава.

Его смех был таким громким, чистым, свободным и приятным!

Кормилица давно не слышала подобного смеха.

Сначала она удивилась, затем быстро последовала его примеру в радостных действиях.

Чэнь Жун прикрыв рот рукой, безумно смеялся. В конце концов, он схватился за живот и вскрикнул. Матушка Пинь быстро приблизилась, чтобы подхватить его.

Чэнь Жун наклонился к кормилице, продолжая хохотать. Это была полноценная истерика. Сброшенное нервное напряжение неожиданно так проявило себя.

Прошло довольно много времени, прежде чем его смех, наконец, прекратился. Матушка Пинь, смеясь, спросила,

— Что происходит? Почему ты сегодня в таком хорошем настроении?

Чэнь Жун прищурился в восторге и посмотрел в сторону двора Дамы Жуань. Он придвинулся ближе к своей слуге, прошептал:

— Чэнь Юань только что получил выговор от Ван Цилана!

— Очень строгий упрек, — торжественно сообщил он. — Ха-ха, не уверен, сможет ли он выдержать упрек Ван Цилана или нет!

Видя недоумение на лицах слуг, он не хотел больше ничего говорить. Оттолкнув Матушку

Пинь, он направился в свою комнату.

Постоянно подтанцовывая и напевая.

В прошлый раз, Чэнь Саньлан был унижен одним из ученых, когда он поспешно решил пойти с ним на встречу. В результате он до сих пор отсиживался дома, слишком опасаясь даже встречаться со своими друзьями-негодьями.

Все было настолько плохо, что по слухам, Чэнь Юань начал готовить сельскохозяйственные угодья и магазины для него в Цзянькане. Он должен был покинуть литературные круги и жить как торговец. Сомнительно, что со своей славой и невеликими талантами тот сможет сдать императорский экзамен. А значит его путь – или стать младшим или бобылем, или торговцем без благородного статуса.

Не осталось никакого другого пути. Это были всего лишь слова пренебрежения, могущие разрушить жизнь человека!

Теперь настала очередь Чэнь Юаня.

Какие последствия придут от слов пренебрежения и порицания Ван Цилана? В ожидании Чэнь Жун поднял голову.

Уже через несколько часов к нему пришел учитель из разорившихся дворян МоЯна, он был одним из чиновников при ямене, но теперь остался без ничего. Быть наставником у юного мастера было куда предпочтительнее, чем побираться на улицах Наньньяна. Целый час они высокопарно беседовали о законах страны, и учитель оказался очень доволен своим подопечным. Следующую беседу они решили посвятить торговым законам империи. Будучи как раз ответственным за торговые отношения в МоЯне, мужчина был в них докой. В качестве оплаты он получил стол и жилье в той самой чайной, сделанной из ресторана. И так же дополнительную плату за консультации по торговым сделкам, где он должен будет представлять юного мастера. Фактически Чэнь Жун приобрел первого личного адвоката в этом мире. Беседа показала, что Линь Яо Ю - так было его имя, в вопросах законов этого времени, особенно торговых, крайне подкован. Они подписали соответственные контракты, подобные тем, что были у его мастеров и расстались через несколько часов весьма довольные друг другом.

Старый Шен отвез мастера Линь к месту его дальнейшего жительства. У того были родственники в Цзянькане, но до него еще добраться как-то было надо. Для того чтобы выжить, молодой еще мужчина смог отбросить гордость, однако сейчас надеялся, что кажется, принял правильное решение, и небо вновь дало ему шанс, как тогда, когда он смог убежать из осажденного города по подземному ходу лишь с верным слугой, доверившимся ему. Того, что они вынесли на себе, не могло хватить надолго. И так было чудом, что они добрались живыми до Наньньяна. Помог как раз талисман, полученный им в гильдии купцов, те ценили доброе отношение чиновника. Но сам Линь Яо не знал, кто его делал. А чтобы занять хоть какую-то должность в Наньньяне, даже по-знакомству, была нужна такая взятка, которую выплатить

беженцу было не реально. Да и чтобы восстановить связи - были нужны визиты к аристократам, а это тоже требовало немалых вложений - следовало одеться, снять приличное жильё, показать свою самодостаточность. Теперь появилась надежда, что эти пункты будут реализованы. Старик Шен обеспечил его одеждой, в счет будущих доходов, из лавки, причем одежда была весьма дорогой и даже больше - жильё, хотя наставник и сомневался в его статусе, однако внезапно оказалось в очень приличном месте и заведении, куда было не стыдно и пригласить любого аристократа. Он уже понял, что его воспитанник совсем не прост, раз смог так развернуться. Да и кое-что он уже услышал в городе о нем.

Оставалось еще себя показать в лучшем виде, и глядишь, прилепившись к мальчику - любимцу Неба, и у него все сложится. Прислуга отзывалась о своем маленьком мастере с очень большой любовью. Его собственный слуга, собрав информацию, добавил, что юный мастер Чэнь не потерял ни одного из своих слуг при бегстве из Пинга, и всех обеспечил достойным существованием и тут, в Наньяне. Причем уже дважды приумножил свое состояние, будучи беженцем, хотя никто про это из его родственников даже не знает. А ведь ему принадлежат не менее десяти лавок в городе. Причем успешных лавок. А еще деревни и земли в округе города. И его управляющий Лао(старик, дед- уважительно) Шень даже торговался за нефритовую шахту.

Этот простолюдин Лао Шень произвел на Линь Яо впечатление. Он был привычен иметь дело с купцами и мастерами, там хватало всяких, да и дворяне постепенно включались в торговые дела, и первенствовал в этом как раз род Чэнь. Старик Шень на взгляд господина Линь Яо был как раз типичным купцом, и наверняка неплохо подготовил и своего молодого господина, привив ему пусть и «низменные», но крайне полезные торговые интересы.

С тем бывший чиновник и успокоился в своей комнате на втором этаже лекарственной чайной, впервые после бегства нормально поев и выпив невероятно вкусного чая по местным рецептам и некими лечебными конфетами, успокаивающими взбаламученный текущими событиями дух.

Спалось ему на удивление хорошо. А его слуга в это время отбивал поклоны Небу, давшему шанс сохранить жизнь и здоровье наследнику старого дворянского рода. Не самого известного в столице, но и не последнего. Отправленного после императорского экзамена на службу в Мо Ян в такое смутное время.

-oOo-

Чэнь Жун получил ответ на свой интерес на следующий день. Оказалось, что уже вечером Чэнь Гонжан заключил Чэнь Юаня в храм предков (комнату наказаний, но в центральном поместье) и официально аннулировал его наследство. Если бы в этот самый момент Чэнь Гонжан умер, преемником дома Чэнь в Наньяне стал бы Чэнь Шу, рожденный торговцем, но ставший ученым.

К сожалению Чэнь Юаня, таковы были потери. Будучи поглощенным получением титула, среди литераторов он давно имел репутацию необразованного и вульгарного человека.

Таким образом, нынешний упрек Ван Хуна дал ему основание получить еще более острые и

надменные взгляды от окружения. О поддержке благородных аристократов не шло даже речи. Его имя употребляли исключительно насмешливо.

Чэнь Жун же продолжал брать уроки, но пока этот факт никак не был прокомментирован в главном доме. Линь Яо послал приглашения для бесед нескольким старым знакомым, налаживая связи. Те ради интереса посетили чайную и остались довольны беседой с молодым человеком. Через несколько дней он даже был приглашен к Чэнь Шу, и имел с ним весьма долгую беседу на самые разные темы, причем тот отозвался о молодом аристократе весьма лестно. Это был прорыв, означающий, что свет его принял.

В мгновение ока прошло несколько дней; зима уже давно наступила.

В тот день, утром, Чэнь Жун наклонил голову, чтобы посмотреть на улицу, и удивленно спросил:

— почему так светло?

Матушка Пинь внесла таз с горячей водой. Выкрутив полотенце, и смеясь, ответила:

— Снег идет, господин!

— Снег? — воскликнул Чэнь Жун.

— Да, верно, снег, причем довольно сильный. Отличные новости, — сощурившись в доброй улыбке, ответила Матушка Пинь.

Ее голос дрожал от волнения.

Чэнь Жун не являлся исключением.

Ничего не поделать. Город слишком долго ждал этого снегопада.

Снегопад означал, что Ху не будет продвигаться на юг! Что поля получают свою влагу и родят урожай. Многие желали, чтобы этот снег мог продолжать падать, всегда и вовеки веков.

Чэнь Жун наклонил свое лицо так, чтобы Матушке было легче его вытереть. Он прислушался к радостным возгласам снаружи и пробормотал:

— Снег пошел. Действительно пошел снег.

Он прекрасно знал, что в это время выпадет снег, но напряженная атмосфера в городе была достаточно заразной, чтобы нервировать его. Только когда выпал снег, он вздохнул с облегчением.

Матушка Пинь явно была в восторге. Готовя голубую соль для умывания Чэнь Жуну, она посмотрела во двор Чэнь Вэй и прошептала:

— Господин, я слышала рыдания прошлой ночью. А Вэй плакала почти час.

Чэнь Жун улыбнулся, в его глазах мелькнул намек на восторг. Все же А Жунь передала ему свою неприязнь к кухне. И даже то, что Жун уверил ее, что и в той жизни ее соперница никогда не была бы счастлива по причинам иной ориентации генерала и его демонической сути, не исправляло ситуации. Больше того, весьма вероятно что А Вэй бы скорее всего погибла, вынашивая его потомка, то есть, ее жизнь наверняка была недолгой. Это почему-то об А Жунь он, можно сказать, заботился, не зачав в ней демоненка, наверняка мучительно убившего бы ее. А жена именно для этих целей и была нужна - для продолжения рода. Подобное А Жунь было сложно усвоить. Однако жалость и демоны - взаимоисключающие понятия.

После того, как он прополоскал рот специальным составом, нянюшка снова протянула ему горячее полотенце и посетовала:

— Было бы здорово, если бы Чэнь Гонжан приказал снять с тебя опеку мастера Чэнь Юаня. Боже, на этот раз ты оскорбил всю его семью. Я даже слышала, как Чэнь Вэй сказала, что хотела бы убить тебя.

Чэнь Жун медленно убрал улыбку.

Он опустил взгляд и усмехнулся,

— Ничего не поделаешь. Жизнь такая.

Матушка Пинь не ответила.

Закончив умывание, Чэнь Жун направился к двери и толкнул ее.

Как только дверь открылась, волна пронизывающего холода ворвалась в комнату. В то же время, белый снег появился в его поле зрения.

Наблюдая за миром, окрашенным в первозданный вид, Чэнь Жун со смехом прокомментировал:

— Сколько снега выпало! - в этом было что-то невероятно родное. Снежный воздух даже пах как-то совершенно иначе.

Матушка Пинь рассмеялась, услышав его радостные слова о снеге.

Приподняв свое юное лицо, Чэнь Жун почувствовал пронизывающий воздух, дующий на него. Было так холодно, что он думал, что с каждым вдохом его ноздри замерзнут.

Он посмотрел на коричневый холм беседки, выглядывающий из-под белизны перед ним, вместе со стволом дерева, скопивший толстый слой снега, и про себя подумал:

«Да, я оскорбил всю их семью, но я думаю, что Чэнь Гонжан защитит меня. Он из тех, кто смотрит на картину в целом, и, зная, что и Жань Минь, и Ван Хун заинтересованы во мне, он никогда не позволит никому причинить мне боль».

От этой мысли он чувствовал себя более уверенным. К тому же сам Ван Хун назвал меня «юным гением-ученым, который был бы интересен и императору». Ха! Да это дорогого стоит!

Сильный снегопад привел Нань'ян в волнение.

Внезапно улицы наполнились радостными криками и музыкой свирелей. Юноши и девушки в это время носились по городу, как дикие лошади.

В отличие от Чэнь Вэй, не покидающей своего дома, двор Чэнь Жуна каждый день был заполнен слугами из разных поместий, приходивших за аудиенцией и приглашавшими его на свои банкеты и мужские мероприятия типа дискуссий и соревнований в разных благородных искусствах.

Тем не менее, Чэнь Жун отклонял их все, независимо от того, кто приходил. Он знал, что у него не столь много навыков межличностного общения этого времени. Посещение этих церемонных обедов не принесло бы ему славы, а только выставило бы его выскочкой-провинциалом.

Для всех он усиленно занимался. Слух о том, что он берет уроки у благородного чиновника-аристократа из Мо Яна уже распространились. Причем плюсовались обоим: одному за достойного ученика, другому за правильный выбор наставника. Одобренного Чэнь Шу - членом комиссии императорских экзаменов. Чэнь Шу вскользь упомянул, что в Пинге у Чэнь Жуна наставником был сам старейшина города Сунь - достаточно известный ученый, написавший не мало трактатов о ху. К сожалению, его судьба была неизвестна. Так что наставничество как бы получило одобрение. Никто не бросал фраз «зачем такое нужно будущему младшему» - после быстро ставшего известным комментария и высокой оценки Чэнь Жуна самим Ван Хуном.

То, что Чэнь Жун обрел в двух своих жизнях, было пониманием себя. Он знал, что не особо высокороден и полон недостатков. Каждый день ранее он мог думать о том, как найти

родственников, которые не будут избегать его, семью, у которой не было сложной внутренней борьбы, чтобы он мог прожить свою жизнь в достатке.

Но даже нечто столь простое, отделялось от него все дальше и дальше...

В этот момент в череде его мыслей Чэнь Жун выдохнул теплое дыхание на заснеженную ширму и, не оборачиваясь, позвал:

— Матушка.

За быстрыми шагами последовало появление верной Матушки Пинь.

— В чем дело?— засмеялась она.

Чэнь Жун смотрел на постепенно тающие снежинки. Сквозь сверкающие кристаллы он почти видел высокое прекрасное лицо, а также оскорбленное выражение, когда Ван Хун уходил в тот день.

Бессознательно он прижал руку к груди.

Он прикусил губу, мягко говоря:

—... ты можешь приготовить мне выходную одежду? Я хочу увидеться с ним.

— С ним? — удивленно спросила Матушка Пин, — С кем, господин?

Чэнь Жун пробормотал:

— С Ван Циланом. В прошлый раз он сказал Чэнь Юаню, что я «добродетельный юный гений-ученый, который живет и умирает за своих друзей». Я должен нанести визит и выразить свою благодарность.

Матушка Пинь некоторое время молчала. Тогда она пробормотала:

— Я бы предпочла, чтобы он принял Вас в качестве благородного наложника.— Она посмотрела на Чэнь Жуна и печально добавила: — Господин, не каждая нью-ши может стать почетной наложницей Ван Цилана, даже если она этого хочет, не говоря о младших!! Он сейчас раздосадован, но Вы желаете пойти поблагодарить его?

Чэнь Жун опустил глаза.

— Даже если я когда-нибудь стану придворным или ученым, я всегда буду только наложником,

— холодно сказал он. — Матушка, я дал себе слово, что на этот раз буду жить по-человечески! Как и у женщины, моя судьба зависит исключительно от моего брака, благодаря новым законам. Что бы ни случилось, я хочу выйти замуж за достойного человека и вести достойную жизнь. Я больше не проиграю, матушка!

После некоторого молчания, кормилица вздохнула и недоуменно спросила:

— Почему Вы говорите, что не проиграете больше?

Чэнь Жун напрягся. Наконец, он прошептал в ответ:

— Ты не так меня поняла.

Поскольку его тон был мрачным, кормилица не стала переспрашивать.

<http://erolate.com/book/1285/36154>